

КАК ЭТО БЫЛО?

Иллюзорные привилегии
индустриального авангарда

Первое впечатление человека, посетившего советские города в период карточной системы 1931-35 годов, можно выразить фразой: «вряд ли есть другая столь стратифицированная страна». Иностранцы, побывавшие в СССР, отмечали, одни разочарованно, другие злобно, что идеи социального равенства, несмотря на победу социалистического Октября, так и остались нерезализованными.

Внешняя картина действительно подтверждала подобные выводы. Каждое предприятие, каждое учреждение имело несколько закрытых распределителей, закрытых кооперативов, закрытых столовых, которые обслуживали строго определенные группы населения. Однако при рассмотрении с иерархией государственного снабжения. Насколько существенны были различия, создаваемые ею?

Бесчисленное множество закрытых распределителей и столовых являлось фасадом, за которым в реальной жизни скрывалась стратификация в бедности. Государственное снабжение не обеспечивало городскому населению, за исключением небольших элитарных групп, даже прожиточного минимума. Различия в снабжении групп населения были ничтожны. Вот описание снабжения Магнитки, данное одним из ее рабочих - американцем Джоном Скоттом. «Действительно, инженеры и рабочие питались в разных столовых. Однако пища в них была «из одного котла». Преимущество «инженерских» или ИТРовских столовых состояло в том, что там было относительно чисто, не толпились народ, не надо было подолгу стоять в очереди, хватало приборов. В рабочей же столовке за спиной каждого евшего стояло несколько ожидавших, чтобы получить освобожденное место, тарелку, вилку, ложку. Единственной разницы в рационе инженера и рабочего на Магнитке было то, что инженер получал на обед 300, а рабочий 200 гр хлеба».

Похожая картина существовала и в торговле. По словам Скотта, и в рабочих, и в ИТРовских распределителях хлеб был единственным продуктом, который продавался регулярно. Разница состояла в том, что в распределителях ИТР по случаю можно было купить мясо, масло и рыбу. «По случаю» значило один-два раза в месяц по скудной норме.

Сводки ОГПУ о состоянии продовольственного снабжения крупных промышленных центров за 1930-31 годы также являются свидетельствами стратификации в бедности. Государственное снабжение не обеспечивало сытой жизни даже индустриальному авангарду. Продукты были низкого качества. Преимущество инженеров и рабочих, по сравнению со служащими, исчислялись 0,5-2 кг мяса или рыбы, 400гр постного масла, 500 гр сахара, получаемых в месяц на всю семью.

Летом 1932 года в Ивановской области рабочие неиндустриальных производств получили только сахар. По сравнению с ними, рабочие ведущих промышленных предприятий снабжались государством лучше. Кроме сахара они получали мясо, рыбу и крупу. Но сколько? Семья индустриального рабочего, состоявшая как минимум из 3-4 человек, на месяц получала 1 кг крупы, 500 гр мяса и 1,5 кг рыбы - продуктов достаточных всего на несколько дней питания. Конечно, в глазах одного голодного другой, который раздобыл кусок мяса, - богат, но оба они остаются бедняками.

Скудность снабжения приводила порой к тому, что за иерархией распределителей и столовых вообще не скрывалась никакой фактической разницы. В Донбассе, например, один из магазинов был разделен перегородками на шесть частей, в каждой из которых «отоваривалась» определенная группа рабочих. Заводская администрация стремилась обеспечить дифференцированное снабжение для групп рабочих «разной индустриальной важности». Лучший магазин предназначался для ударников производственных цехов с Почетными грамотами, далее шли ударники и рабочие-ударники производственных цехов, затем ударники непроизводственных цехов, служащие-ударники и просто служащие. При входе в каждое из шести отделений сидел человек, который проверял пропуск или «ударные книжки». Чужак не мог пройти не «в свой» магазин. Однако если бы вы смогли посетить все шесть отделений, то увидели бы, что в них продавался один и тот же скудный ассортимент.

«Если хорошо постоять в очереди,
то можно и не работать»

Поездка по стране в поиске товаров представляла один из наиболее распространенных способов самоснабжения населения в годы «свободной» торговли. Во время товарных кризисов массовый наплыв покупателей в крупные промышленные центры, которые снабжались лучше других мест, становился стихийным бедствием. Третья пятiletка целиком прошла под знаком борьбы Политбюро и СНК с массовым наплывом покупателей в крупные города.

До осени 1939 года товарный десант не имел продовольственного характера. Жители сел и небольших городов ездили по стране в поисках мануфактуры, обуви, одежды. Центром притяжения оставалась Москва. Столица снабжалась не в пример другим городам, но и страдала от наплыва покупателей, как никто другой. В течение 1938 года поток ингородных покупателей нарастал, и к весне 1939 года положение в Москве потребовало принятия мер. НКВД рапортовало: «В ночь с 13 на 14 апреля общее количество покупателей в магазинах ко времени их открытия составляло 33 тыс. человек. В ночь с 16 на 17 апреля - 43800 человек и т. д.» У каждого крупного универмага стояли тысячи толпы. Очереди не исчезали. Они выстраивались сразу же после закрытия магазина и стояли ночь до открытия магазина. Товар раскупался в течении 3-4 часов, но люди продолжали стоять в очередях - «на следующий день». С осени 1939 года в столице выросли и очереди за продуктами.

По московским очередям можно было изучать географию Советского Союза, москвичи там составляли не более трети. Приезжие мыкались по вокзалам, проводы в Москве целые отпуски. Как высказался один из стоявших в очереди: «Сколько трудодней даром пропадает. На эти трудодни можно было бы в Москве две текстильные фабрики построить». Представления о том, что творилось в Москве, дают донесения НКВД: «Очереди начинают образовываться за несколько часов до закрытия магазина во дворах соседних домов. Находятся люди из состава очереди, которые берут на себя инициативу, составляя списки. Записавшись в очередь, часть народа расходится и выбирает себе укромные уголки на тротуарах, дворах, в парадных подъездах, где отдыхают и спрятываются. Отдельные граждане приходят в очередь в туалетах, с ватными одеялами и другой теплой запасной одеждой». Приносили и табуретки, чтобы не стоять, а сидеть в очереди.

«Ленинградский универмаг. К восьми часам утра установилась очередь (тысяча человек), но нарядом милиции было поставлено 10 грузовых автомашин, с расчетом недопущения публики к магазину со стороны мостовой. Народ хлынул на площадку кинотеатра «Спартак», в образовавшуюся галерею между кинотеатром и улицей автомашин. Создалась невозможный беспорядок и давка. Сдавленные люди кричали. Милицейский наряд оказался бессильным что-либо сделать и, дабы не быть раздавленным, забрался на автомашину, оттуда призвал покупателей к соблюдению порядка. К открытию очереди у магазина составляла 5000 человек».

Люди изобретали множество способов, дабы избежать многодневных изнуряющих стояний в очередях, которые к тому же не гарантировали покупки товара. В магазин, например, можно было прорваться с помощью грубой физической силы.

В магазин можно было попасть с помощью обмана или блага. Один из способов - комбина-

постановлении «О борьбе с очередями за промышленными в магазинах г. Москвы» (апрель 1939 года). Вскоре, 1 мая, вышло такое же постановление в отношении торговли промышленными товарами в Ленинграде. «Промтоварные» постановления вскоре были дополнены «продовольственными»: 17 января 1940 года появилось постановление СНК СССР «О борьбе с очередями за продовольственными товарами в Москве и Ленинграде». Весной и летом того же года Политбюро распространило постановление на длинный список городов Российской Федерации и других союзных республик. География постановлений свидетельствует, что Москва не была единственной жертвой массового наплыва покупателей. Ее судьбу в той или иной степени разделили все крупные города.

В арсенале методов, которые Политбюро и СНК предписывали к применению, числились разяснительные беседы с людьми в очередях и по месту жительства, экономические меры - открытие новых магазинов, дополнительных фондов товаров. Однако главным, как и прежде, оставались санкции и репрессии. НКВД и НКПС были призваны очистить города от приезжих. Милиция получила разрешение за нарушение «паспортного режима» «изымать» приезжих из очереди и вывозить их за черту города, а так же на вокзалы, где для них должны были формироваться специальные составы. Каждый крупный универмаг имел наряд милиции, который проверял документы и наводил порядок в очереди. Не было редкостью случаи использования конной милиции. «Сотрудники в штатском» собирали информацию в очередях. Велось также патрулирование вокзалов и поездов. НКПС должен был ограничить продажу транспортных билетов, особенно в тех областях, жители которых были слишком уж частыми гостями столицы. Сельской администрации запрещалось выдавать крестьянам справки для поездки в города. НКВД должен был отбирать справки у стоявших в очередях крестьян и передавать их в прокуратуру для привлечения к ответственности тех, кто их выдал. Незаконный приезд карался штрафом.

Одновременно с чисткой Москвы и других промышленных центров от приезжих были приняты меры по борьбе «со спекулянтами и закупщиками». Устанавливались штрафы и уголовные наказания для тех, кто превышал нормы покупки. Милиция проверяла сумки и кошельки у стоявших в очередях. Купленное сверх нормы изымалось и возвращалось в магазины. С 1 августа 1940 года запретили «торговлю с рук». Этим постановлением Политбюро и СНК поставили вне закона барахолки и толкучки. «Для организации общественного мнения» проводились показательные судебные процессы над спекулянтами и закупщиками и «по наиболее характерным делам» приговоры публиковались в печати.

В довершение всего Политбюро вообще запретило очереди. Очередь могла стоять внутри магазина в часы его работы, но за пределами магазина до начала ли торговли, после ли закрытия магазина или в часы его работы очереди не должно было быть. Незаконное стояние в очереди каралось штрафом. В борьбе с очередями властями было изобретено множество способов. Один из них - «переворачивание» очереди. Перед самым открытием магазина прибывала милиция и перестраивала очередь так, что те, кто был в ее начале оказывались в конце.

«Вот они, архангелы. Приготовьте по 50 рублей», - встречал народ милиционеров. И на время расходился, с тем чтобы после ухода стражей порядка вернуться на свои места. Запретили стоять перед магазинами - очередь «уползала» и пряталась во дворах, ближних парках и скверах. При этом, чтобы придвинуть новые покупатели могли найти очередь и, не дай бог, не образовали бы еще одну, выделялось два-три человека, которые курсировали от магазина к месту сбора покупателей. Когда правительство запретило собираться не только перед магазинами, но и в подворотнях, парках, скверах, очередь приобрела «диффузный» характер. Группы людей жакбы ожидали трамвая на остановках перед магазином или просто прогуливались перед ним, поддерживая очередность с помощью вопроса: «За кем гуляете?».

Люди изобретали и способы добраться до Москвы, избежать патрулей и проверки на вокзалах. Поскольку железнодорожный билет в Москву купить стало трудно, то брали билеты на поезд дальнего следования, идущие через Москву, выходили на промежуточных станциях, не доезжая столицы, а затем добирались на пригородных поездах, автобусах, трамваях. Для вывоза купленного, чтобы избежать проверки и патрулей, посылали человека без багажа купить билет. Остальные с багажом прятались в это время на соседней улице, а за несколько минут до отхода поезда вскакивали в вагон.

Люди обходили и установленные СНК нормы покупки. Стояли целыми семьями, занимали очередь по несколько раз, покупали в нескольких магазинах. Купленное сверх нормы прятали в чемоданы, ящики швейных машин, валенки, шапки, под одеждой. Сразу же после покупки «портили» товар: хлеб резали на мелкие куски, смешивали муку с крупной. В таких случаях, даже если милиция и находила «излишки», она их не отбирала, ведь магазины не принимали поврежденный товар.

Подпольные миллионеры
социалистической торговли

В экономике товарного дефицита и огромного неудовлетворенного потребительского спроса ограничение предпринимательства не уничтожило рынок, а загнала его в подполье. В годы «свободной» торговли черный рынок цвел пышным цветом. Бурно развивался застольный бартер, который являлся важной составляющей черного рынка. Обмен товарами и услугами происходил между отдельными лицами, связы-

вал предприятия, колхозы, совхозы, учреждения. Металл, дерево, цемент, в которых нуждались колхозы, обменивались на сырье и продовольствие для рабочих и служащих. Проследить бартерные сделки очень сложно, так как они не оформлялись на бумаге, а заключались по телефону или с глазу на глаз.

В развитии спекуляции во второй половине 30-х годов произошли качественные изменения. По определению НКВД, распространялась «организованная спекуляция», в ней действовали не одиночки, а целые группы. Спекулянты не стояли сами в очередях за товаром, а нанимали агентов по скупке. Связи с работниками государственной торговли стали массовым явлением. Продавцы или администрация магазинов информировали о времени поступления товаров, откладывали дефицит под прилавок, продавали без очереди, например, по выписанным заранее чекам. Для прикрытия спекулянты имели легальные источники существования (служба, пенсия и т. п.), а также патенты на индивидуальную деятельность, но на деле часто нигде не работали и ничего не производили.

Центрами развития спекуляции являлись крупные города, куда поступали большие государственные фонды товаров. Столичные толкучки и рынки были наиболее многочисленными в стране. В 1936 году из Москвы ежедневно частными лицами отправлялось более 11 тысяч посылок, около тысячи из них содержали отрезки ткани, от 15 до 40 м в каждой посылке. Спекулянты выполняли, таким образом, важные функции в социалистической экономике, по сути, исправляя огрехи государственного

ЕЛЕНА ОСОКИНА

ЗА ФАСАДОМ "СТАЛИНСКОГО ИЗОБИЛИЯ"

(ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ)

ция с чеками, в которой участвовали работники магазина. С вечера заготавливались кассовые чеки со штампом «доплата». Владелец такого чека наутро шел в магазин как будто бы очередь, купил товар, но у него не хватило денег и он ходил за ним домой. Миллионер, охранявший вход в магазин, в таких случаях пропускал без очереди. Для покупки товаров вне очереди использовали также грудных детей, которых передавали из рук в руки по несколько раз. Личное знакомство или подкуп милиционера также позволяли пройти без очереди. По знакомству с продавцами или администрацией магазина можно было попасть в магазин со служебного входа. Или вообще не ходить туда, а получить товар «на дому» за дополнительную плату.

Еще одной распространенной тактикой было занятие места в очереди для группы людей. Об этом также есть упоминания в донесениях: «Стояла в очереди «уполномоченная» деревни. Затем к ней присоединилось 30-40 человек, приехавших утренним поездом». Но в этом случае очередь могла взбунтоваться против тех, кто не разделял с остальными многочасовое ночное стояние, а присоединился перед самым открытием магазина.

Место в очереди можно было купить, но стоило это довольно дорого - 25-30 рублей. Така колебалась в зависимости от того, как близко находилось место к дверям магазина. За деньги можно было нанять человека, который отстоял бы в очереди всю ночь, а перед открытием магазина заменить его. «Наемный» мог не только стоять для кого-то в очереди, но и покупать товар, получая при этом сверх цены, например, по 2-3 рубля за каждый метр купленной мануфактуры. Стояние в очереди для многих стало бизнесом, профессией. Донесения НКВД отмечали, что в очередях мелькали одни и те же обветренные от долгого стояния на улице лица.

Тысячные очереди заставляли быть изобретательными не только покупателей, но и продавцов. При огромном наплыве и «всеядности» покупателей торговля представляла механическое распределение по установленным нормам отпуска. В документах описана, например, практика очередности в продаже товаров: пока не кончался сахар, масло не начинали продавать. Или нарезали ткань лишь из одного рулона и, только после того, как рулон заканчивался, начинали продавать ткань из рулона другой расцветки. Продавцы экономили время, ведь в очередях стояли тысячи человек. Покупатель же терял право выбора товара и вынужден был покупать то, что продавалось в тот момент, когда подошла его очередь покупки. Для экономии времени одежду и обувь покупали без примерки и на следующий день в магазине стояло уже две очереди: одна - покупать, другая - менять купленное накануне. Подобная практика была настолько широко распространена, а неудобства настолько велики, что правительство запретило «беспримечную» торговлю.

Руководство страны разработало свою тактику в отношении тысячных очередей. Политбюро и СНК начали борьбу с массовой миграцией за товаром. К тому имелись как экономические, так и социальные причины. Вместо того чтобы выполнять пятилетний план, народ разъезжал по стране и простаивал в очередях. Приезжая в Москву не на один день, ингородские ночевали на вокзалах, в подъездах домов на улицах - образцово-показательный город превращался в проходной двор или переполненный грязный вокзал, с обострившейся криминальной обстановкой, угрозой массовых эпидемий и пр. Не могло спокойно жить и работать и население самой столицы, которое в борьбе за товар тоже отстаивало свои права.

Программа правительства была изложена в

го планирования. Скупая товар в крупных центрах, спекулянты развозили его затем по городам и весям страны, представляя один из важнейших источников снабжения населения. Органы НКВД держали под контролем государственную торговлю. Торговая сеть столицы, например, находилась «в оперативном обслуживании» экономического отдела УНКВД г. Москвы. В августе 1940 года в торговой системе города работало 490 его секретных осведомителей, немногим меньше сексотов имел Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности Управления рабоче-крестьянской милиции г. Москвы. Среди объектов наблюдения числились гортгоротдел Моссовета, где работали резидент, два агента и пять осведомителей, Управление протторгами, Московский главк ресторанов и кафе, Центральный универмаг НКТ СССР (ЦУМ). По этим объектам НКВД вел несколько агентурных разработок, которым давал интригующие кодовые названия - «Земляки», «Гробы», «Недобитые», «Неугомонные». На заметку брались не только те, кто высказывал антисоветские мысли, вызывая пресловутые обвинения в шпионаже и терроризме, но и люди с материальным состоянием, не соответствовавшим официальным доходам. Проверка вкладов, слежка, внедрение агентов в ближайшее окружение «разрабатываемого», а также вербовка агентов из его знакомых и друзей позволяли получить информацию. Затем начинались аресты. Сроки заключения за неправым путем приобретенное богатство отличались - мелкие расхитители получали до 2-х лет, крупные - от 5 до 10 лет, хотя случалось и поуже. За октябрь-декабрь 1940 года восемь человек были «подвергнуты высшей мере социальной защиты» - расстреляны за хищения социалистической собственности.

Материалы НКВД дают представление о подпольных миллионерах социалистической торговли. Например, в 1940 году директор магазина №32 Краснопресненского протторга В. построил себе дачу стоимостью в 100 тыс. рублей, купил легковую машину и два мотоцикла, построил специальный гараж и даже проложил личную асфальтовую дорогу к даче длиной в один километр. Покупка антиквариата, рестораны также представляли неотъемлемую часть быта этого советского миллионера.

Крупнейшим богачом в Москве в начале 40-х годов НКВД считал З., директора одного из магазинов. Получая в месяц зарплату в размере 600 рублей, он расходовал 10-15 тысяч в месяц. В прошлом частный торговец Киевской губернии, в советский период З. начал работать в Москве, в кооперативе «Коммунар», постепенно выслужился до директора крупного столичного магазина. Его метод - «брать контрибуцию». Оценивая, сколько та или иная секция в магазине может наворовать в месяц, он ставил туда своих людей, учил их махинациям и брал мзду - 3-10 тыс. рублей в месяц.

Материальное состояние подпольных миллионеров социалистической торговли не уступало обеспечению высшей политической элиты страны, хотя, в отличие от последней, которая лишь пользовалась государственным, богатство миллионеров черного рынка являлось их собственностью.

Коррупция глубоко поразила общество. По словам одного из донесений НКВД, торговые работники находились под покровительством руководителей советских, партийных и судебных-следственных органов, которые получали от «торгашей» взятки, дефицитные товары и продукты. Документы позволяют говорить не только о коррумпированности низового партийно-советского аппарата, органов суда и милиции, но и проникновении коррупции в наркоматы на уровне начальников главков. Взятки дополнялись личными связями - совместная охота, пьянка и т. п. Материалы о проникновении коррупции в высшие эшелоны власти - Политбюро и СНК СССР, мне не известны.